

Бекметов Ринат Ферганович

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ": ВОСТОЧНЫЙ ПОДТЕКСТ И ТВОРЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

Статья посвящена проблеме прочтения романа Ф. М. Достоевского "Идиот" в вузе и школе. Материал нацелен на возможность представить творчество писателя в широком философско-эстетическом контексте. Современное литературное образование нуждается в поливариативном осмыслении классики. В этом, с одной стороны, проявляется попытка заинтересовать нового читателя, поддержать в нём внимание к наследию прошлого. С другой - поливариативность реализует тот внутренний смысловой потенциал, который несёт в себе всякое крупное словесно-художественное явление, и раскрывает контекстно в "большом времени" (М. М. Бахтин). "Идиот" Ф. М. Достоевского может быть истолкован не только в аспектах западного или традиционно русского мировоззрения, но и в восточном духовном ключе. Связующим элементом здесь выступает фигура главного героя - князя Мышкина. Учёт восточного подтекста позволяет несколько глубже обычного понять содержательное наполнение его слов и поступков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 166-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.882+821.161.1

Статья посвящена проблеме прочтения романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в вузе и школе. Материал нацелен на возможность представить творчество писателя в широком философско-эстетическом контексте. Современное литературное образование нуждается в поливариативном осмыслении классики. В этом, с одной стороны, проявляется попытка заинтересовать нового читателя, поддержать в нём внимание к наследию прошлого. С другой – поливариативность реализует тот внутренний смысловой потенциал, который несёт в себе всякое крупное словесно-художественное явление, и раскрывает контекстно в «большом времени» (М. М. Бахтин). «Идиот» Ф. М. Достоевского может быть истолкован не только в аспектах западного или традиционно русского мировоззрения, но и в восточном духовном ключе. Связующим элементом здесь выступает фигура главного героя – князя Мышкина. Учёт восточного подтекста позволяет несколько глубже обычного понять содержательное наполнение его слов и поступков.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; роман «Идиот»; интерпретация; восточный подтекст; творческое сочинение.

Бекметов Ринат Ферганович, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
bekmetov@list.ru

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»: ВОСТОЧНЫЙ ПОДТЕКСТ И ТВОРЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

Жанр творческого сочинения переживает далеко не лучшие времена, и, по-видимому, нет необходимости объяснять причины; об этом говорилось много. Если оставить в стороне методические аспекты названной проблемы (а они связаны с объективной сложностью приобщения учащихся к письменному виду монологической речи) и коснуться вопроса условий развития творческого слова, то, конечно, нельзя не увидеть целого набора внешних обстоятельств, мешающих *планомерно* оперировать им, этим словом, на вузовских занятиях и школьных уроках. Мы имеем в виду ту неопределённость образовательной ситуации, когда сочинение то признаётся в качестве *полноценной* формы речемыслительной деятельности, то отвергается по факту, в угоду сиюминутным переменам. Их следствием является то, что ни студенты, ни школьники зачастую писать хорошие сочинения не умеют. В отдельных случаях наиболее способные из них могут излагать мысли на *свободную* тему – примерно так, как это делал Холден Колфилд, герой романа Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Сдавая экзамен по древней истории, он сначала в почти научном стиле написал о том, как культурные египтяне бальзамировали тела умерших фараонов, а затем, неожиданно прервав экскурс, обратился в простой и краткой заметке к мистеру Спенсеру, педагогу закрытой школы Пэнси, с сообщением об отрывочности своих познаний в музейных раритетах. Герой, ощутивший во всём «липу», посчитал, что высокие принципы нельзя приносить в жертву тактической победе (ради перехода в следующий класс), и одной этой искренностью вызвал симпатию благорасположенного читателя. Но одно дело – вымышленный персонаж, носитель протестной идеи, и другое – реальная жизнь. Когда заходит речь о теме *заданной*, учащиеся испытывают вполне понятные трудности. Как их преодолеть?

Не откроем истины, если скажем, что первым и надёжным средством тут является *диалог*, формирование его культуры. Ведь мышление человека есть интериоризация спора, перевод внешней беседы в область внутренних рефлексий. Для их вызревания нужна «экологическая ниша», среда, фиксирующая потенциальное равноправие подходов. Диалог – могучая сила, которая при правильной установке наполняет собеседников двусторонними смыслами; каждый, кто ведёт диалог, по его окончании выходит с позитивными приобретениями. Кроме того, надо помнить, что добротное сочинение – продукт кропотливой *интерпретации*, его логическое следствие. Чем всестороннее интерпретация, тем талантливее сочинение. Произведение классической литературы необъятно, но именно потому, что классика – «сгусток» поливариативных значений, раскрывающихся в благоприятных социальных и исторических условиях. Исчерпать классику невозможно, разговор о ней носит непрекращающийся, по сути, бесконечный характер, благодаря чему особую актуальность получает *контекстная* стратегия литературоведческого разбора. Попробуем на конкретном примере продемонстрировать её.

Творчество Ф. М. Достоевского было бы крайне неполным, если бы оно изучалось лишь с позиций имманентной методологии, тех принципов, которые основаны на внутритекстовых связях и отношениях [2]. Мир Ф. М. Достоевского в вузе и особенно в школе должен быть представлен не только описательно, с перечислением специфических черт, отличающих, к примеру, петербургский хронотоп писателя от хронотопов северной

столицы в изображении А. С. Пушкина, но и «генетически», в более широком культурном обзоре. Учащиеся тем самым обнаружат вписанность Ф. М. Достоевского в ритмы мировой литературной истории, как западной, так и восточной [3]. Действительно, роман «Преступление и наказание» отражает евангельскую правду, отвергающую насилие в качестве способа утверждения индивидуальной или коллективной воли. Одновременно текст произведения несёт следы явного интереса к Корану, причём в чрезвычайно положительных коннотациях, о чём исследователи Ф. М. Достоевского уже писали [4; 8], вскрывая подспудно несостоятельность утверждений о неприятии писателем ислама (основанием этого служило употребление имени мусульманского пророка в «наполеоновском» ряду, хотя такой акцент был поставлен Раскольниковым – героем, а не автором). В числе ярких ориентальных аллюзий – сон Раскольникова, точнее его «грёза» незадолго до преступления: «...всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе. Караван отдыхает, смиренно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают. Он же всё пьёт воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течёт и журчит. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блёстками песку...» [5, с. 52].

Арабо-мусульманский код – свидетельство раскола в душе, проявление скрытых начал, противостоящих господству иссушающего разума. Тонкая душа героя испытывает жажду, подобно путнику, который после долгого странствия в пустыне оказался вдруг в оазисе, в тени, среди прохлады и, утомлённый, припал в живому роднику. Тут – не только традиционная пушкинская тема, ставшая мотивным комплексом («Пророк»), цикл «Подражание Корану»), или лермонтовский сюжет («Три пальмы»), на что указывал Р. Г. Назиров [9, с. 142-143], но и шире – прямое подсознательное обращение к образу коранического райского сада, «в котором [чистые] ручьи текут» [7, с. 7, 94, 360], «в тени деревьев лотосовых, шипов лишённых, под акациями, цветами усеянными, в тени вечной, среди ручьёв проточных и плодов обильных» [Там же, с. 483].

Сказанное относится к роману Ф. М. Достоевского «Идиот» (он изучается в гуманитарных вузах как обязательный, в средних школах – при дефиците учебных часов – на правах внеклассного чтения). Роман содержит отсылки к восточному образно-символическому метаязыку, и сегодня они тоже нуждаются в пояснении. В самом деле, существует сложившийся взгляд, согласно которому Ф. М. Достоевский изобразил в «Идиоте» «положительно прекрасное лицо», коррелирующее с Христом, но не теряющее связи с литературными персонажами – Дон Кихотом М. Сервантеса, Пиквиком Ч. Диккенса. Оспаривать этот взгляд не имеет смысла, ибо он очевиден и закреплён в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского. Вместе с тем образ святого человека оказывается настолько универсальной величиной, преодолевающей религиозно-конфессиональные границы, что было бы уместно «прочсть» его в ключе мусульманской традиции, в несомненном диалоге с христианской, дабы уяснить в нюансах всю «полифонию» мысли русского писателя. Так, «нехристианский» аспект задан возрастом Мышкина: ему нет ещё и тридцати на момент «рокового безумия», своеобразной Голгофы («молодой человек... лет двадцати семи») [6, с. 3]. Далее, он страдает «падучей». В указании на эту болезнь видят автобиографический элемент, что справедливо, но недостаточно. В сфере культурного взаимодействия важны внешние пересечённости, а они подчёркивают схожесть Мышкина с Мухаммадом: пророк, по отдельным предположениям, болел эпилепсией. Примечательно, что высшая ясность сознания героя в последнюю минуту перед «припадком» напоминает ту гармонию ума, которая открывалась Мухаммаду: «Он (*Мышкин* – Р. Б.) задумался... о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень... когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясней, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины» [Там же, с. 267].

Весьма показательным кажется и то, что эту связь поддерживает такая случайная деталь, как плащ. На князе Мышкине, отмечает писатель, «был довольно широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном, точь-в-точь как употребляют часто дорожные, по зимам» [Там же, с. 4]. Плащ без рукавов встречается и в описании Мухаммада (это атрибут ближневосточного костюма: в пустынной местности ночью или на сильном ветру он незаменим). Две суры Корана, 73 и 74, в своём названии подразумевают наличие плаща на теле пророка («Закутавшийся» и «Завернувшийся»). Безусловно, мышкинский «плащ с капюшоном» мы вправе трактовать прагматичнее, «приземлённее», тем более что Ф. М. Достоевский недвусмысленно уточняет, в каких странах Европы его одевают – в Швейцарии и Северной Италии. Всё так, однако интерпретация текста не всегда зиждется на бытовом прагматизме; иногда, чтобы пробиться к «сверхидею» произведения, надлежит, *не отвергая* первичный уровень, соотнести образные компоненты на значительно более высокой плоскости. Точно так же, например, можно толковать увлечение Мышкина каллиграфией. С одной стороны, его каллиграфические предпочтения – мы узнаём о них во время посещения героем семейства генерала Епанчина – географически и хронологически локализованы (средневековый период, русский и западноевропейский шрифт). С другой – изящность письменных знаков и профессиональная работа над ней в не меньшей степени ассоциируется с Востоком. Как удивительно для «кидиота» Мышкина тайная страсть к начертанию замысловатых букв, так изумительно, по велению Всевышнего, обнаружение неграмотным Мухаммадом в себе наклонностей к чтению – тому, которое подвело арабов к созданию фигуративного буквенного стиля и, значит, каллиграфии как науки и искусства.

Все приведённые суждения в итоге дают повод теоретически предполагать, что смысловым моментом, дополняющим образ Мышкина, является *суфизм* – мистико-философское течение в исламе.

Мышкин чем-то похож на суфийского святого. (Примечательно, что плащ героя напоминает *хырку*, одеяние персидских дервишей.) Он аскет, но не в христианском значении слова, когда человек ради спасения ищет

возможности уйти в монастырь, а, оставаясь в миру, ведёт проповедь, миссионерствует «огнём» слов и поступков. Ни тот, ни другой путь героя не привлекает – именно потому, что, как и суфийский праведник, он пребывает на земле, живёт среди людей, в гуще разнообразных, нередко путаных, отношений и фактом своего существования в режиме *иной* поведенческой логики обнажает «неправильности» социальной среды. (Не случайно, чтобы избежать прямого дидактизма, Ф. М. Достоевский в окончательной редакции романа сократил проповеди князя.) Он «вненаходим», и позиция эта открывает перед Мышкиным особенную интуицию видеть, как в рентгеновских лучах, чужое откликающееся сердце. Чего стоит один характерный эпизод, когда генерал Епанчин, торопясь расстаться с незваным гостем и предупреждая отсутствие родственных уз, внезапно меняет тон, когда смотрит Мышкину в глаза! «Взгляд князя был до того ласков в эту минуту, а улыбка его до того без всякого оттенка хотя бы какого-нибудь затаённого неприязненного ощущения, что генерал вдруг остановился и как-то вдруг другим образом посмотрел на своего гостя; вся перемена взгляда совершилась в одно мгновение» [Там же, с. 43].

Это резкое изменение произошло на довербальном уровне, когда душа, как бы освободившись от общественных условностей и изъянов «тёмной» природы, выпав из потока повседневных хлопот, продемонстрировала то лучшее в себе, что дремлет под спудом вынужденных обстоятельств, будучи не в силах обрести желанную волю. В суфийском учении подобное состояние исходит из сердца, определяется им, а святой выполняет роль зеркала, в котором отражается его собеседник как личность, в противоборстве «хорошего» и «плохого», «чистого» и «замутнённого». М. М. Бахтин считал, что Мышкин – носитель «карнавального мироощущения»; он «не может войти в жизнь до конца... остаётся по касательной к жизненному кругу», это помогает ему «“проникать” сквозь жизненную плоть других людей в их глубинное “я”» [2, с. 298]. А. П. Скафтымов обращался к «детскости» Мышкина: то, что у других «задавлено самолюбием, замуровано корой неслышного соревнования», то у главного действующего лица «пробивается» наружу [10, с. 79-80]. Этим свойствам необходимо дать не только эстетическую или этическую оценку, но также религиозно-философскую трактовку, с опорой на «восточный текст» русской культуры (о суфийской парадигме мышления см., в частности: [1]).

Как *методически* преподнести результаты предложенной интерпретации?

1. Учащиеся должны понять, что интерпретация, как любая аналитическая схема-модель, условна. Потребуется спокойная, взвешенная критическая проверка. Путь, пройденный интерпретатором, может найти подтверждение при самостоятельном чтении, но может – и нет. Научное объяснение литературного факта тем и отличается от непосредственного читательского впечатления, что механизмы рационального толкования с системой доказательств не отвлечённая «вещь-в-себе», а предмет конструктивного обсуждения.

2. Чтобы выработать общую позицию, надо иметь фоновые знания. Для этого перед написанием сочинения мы рекомендуем провести занятие (в идеале – миницикл) по теме «Образ Востока в русской литературе». Кроме того, на занятиях по творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова или И. С. Тургенева восточный аспект мог бы звучать системно. Он задан самим расположением России между Западом и Востоком, её культурным «евразийством», что имело, кстати, для многих русских писателей биографическую подоплёку. А. С. Пушкин, как и М. Ю. Лермонтов, связан с экзотической природой Кавказа, И. С. Тургенев заслуженно гордился родословной по отцу (его предки – татарского происхождения: в 1440 году русское подданство принял основоположник рода – золотоордынский мурза Арыслан Турген, в крещении – Иван), да и о Ф. М. Достоевском есть сведения, что первым звеном в его генеалогической цепи был служилый татарин из Золотой Орды Аслан Челябин, принявший православную веру и, между прочим, крещённый Дмитрием Донским.

3. Стимулирующими вопросами к сочинению о романе Ф. М. Достоевского могут быть следующие:

- Как вы представляете себе образ Мышкина (портрет героя)?
- О каких фундаментальных противоречиях человеческой души повествует Ф. М. Достоевский?
- Что такое «карнавальный мир» и как он проявляется в произведении?
- Что значит фраза «красота спасёт мир»? (Вскользь брошенная, но очень восточная формула!)

В конечном счёте текст литературной классики – «дорожная карта», на которой гениальный автор оставляет многочисленные направляющие знаки. В совокупности они указывают на разновекторные пути движения к цели, формируя идею и новый творческий текст – плод посильных раздумий учащихся.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Мусульманский код «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 70-74.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
3. Бекметов Р. Ф. Ещё раз о «символе веры» Ф. М. Достоевского (к восточному контексту мировоззренческой формулы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. I. С. 30-34.
4. Борисова В. В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф. М. Достоевского (искусство синтеза): сб. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 63-89.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. VI. Преступление и наказание. 421 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. VIII. Идиот. 510 с.
7. Коран / пер. с араб. М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2009. 576 с.
8. Краснова Г. Достоевский и Коран // Вопросы литературы. 1998. Май-Июнь. С. 328-334.
9. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во СГУ, 1982. 160 с.
10. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.

THE NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY "THE IDIOT": EASTERN SUBTEXT AND CREATIVE WRITING

Bekmetov Rinat Ferganovich, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
bekmetov@list.ru

The article is devoted to the problem of interpreting the novel by F. M. Dostoyevsky "The Idiot" at higher and secondary school. The study aims to present the writer's creative work in broad philosophical and esthetic context. Modern literary education requires multi-dimensional understanding of classical works. Such an approach, on the one hand, implements the tendency to awake a new reader's interest, to focus his/her attention on the heritage of the past. On the other hand, multi-dimensionality realizes an internal semantic potential associated with any great artistic phenomenon and discovers it contextually "in the big time" (M. M. Bakhtin). Dostoyevsky's "The Idiot" can be interpreted not only in terms of western or traditionally Russian worldview but also in the eastern spiritual aspect. The figure of the main personage, prince Myshkin, serves as a linking element. The consideration of eastern subtext allows deeper understanding the meaning of his words and actions.

Key words and phrases: F. M. Dostoyevsky; "The Idiot"; interpretation; eastern subtext; creative writing.

УДК 802.0

В статье обсуждается проблема организации дидактического дискурса при подготовке устных переводчиков по программе бакалавриата, что потребовало рассмотрения понятия устнопереводческого дидактического дискурса. Данный тип дискурса относится к институциональному дискурсу. Особое внимание обращается на проблему общих и специальных переводческих компетенций, формируемых в ситуации устнопереводческого дидактического дискурса. Наряду с общепринятыми переводческими компетенциями, такими как коммуникативные, лингвистические, лингвопсихологические, текстуальные, креативные, информационно-поисковые, когнитивно-культурные, технологические, этические, в статье выделяются две специальные переводческие компетенции: прагматическая и прагматически обусловленная, что связано с необходимостью выполнения прагматических и прагматически обусловленных преобразований в процессе перевода. Представлено поэтапное формирование данных компетенций: анализ и объяснение преобразований на прагматическом уровне, анализ различных речевых актов, подбор параллельных текстов на двух языках, устный перевод билингвального диалога, предполагающего выполнение прагматических трансформаций с целью достижения адекватного коммуникативного эффекта.

Ключевые слова и фразы: дидактический дискурс; устный перевод; переводческие компетенции; коммуникативный эффект; прагматическая компетенция; прагматически обусловленная компетенция.

Горева Татьяна Александровна, к. пед. н., доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
goreva.tatyana@list.ru

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ПРИ ПОДГОТОВКЕ УСТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

В рамках данной статьи обсудим проблему организации дидактического дискурса в процессе обучения будущих лингвистов-переводчиков устному последовательному переводу по программе бакалавриата. Решение данной исследовательской задачи включает в себя, во-первых, рассмотрение функций дидактического дискурса в системе институционального профессионального дискурса; во-вторых, описание формируемых компетенций в процессе подготовки устных переводчиков; в-третьих, выявление условий, обеспечивающих высокий коммуникативный эффект дидактического дискурса в ситуации устного последовательного перевода.

В качестве исходного мы принимаем положение, сформулированное Н. Н. Гавриленко: «перевод возможен не столько на основе сравнения языков, сколько на основе сравнения дискурсов двух или нескольких стран» [6, с. 171].

В своем исследовании мы обращаемся к дидактическому дискурсу, ориентированному на подготовку устных переводчиков, что требует рассмотрения понятия «дискурс», уточнения общих и специальных переводческих компетенций, что, в свою очередь, позволит нам описать устнопереводческий дидактический дискурс.

Начнем с трактовки понятия «дискурс», внедрение которого в современную научную парадигму, по словам отечественного лингвиста М. Л. Макарова, равноценно внедрению евро в европейскую экономику [10]. Если истоки термина «дискурс» следует искать в работах западноевропейских ученых середины прошлого века, то дискуссии о его понимании разными учеными продолжаются до сих пор. В своей работе мы опираемся на дефиницию Н. Н. Белозеровой, подчеркивающей, что «термин *дискурс* используется для определения сущности речевой деятельности. <...> дискурс непосредственно связан с регулятивами любой деятельности» [4, с. 18]. Она поясняет, что при порождении дискурса, когда имеет место обмен высказываниями, «происходит двусторонний ряд речевых событий, где участники будут постоянно меняться ролями адресата и адресанта» [Там же]. Таким образом, наличие устойчивой обратной связи, характерной для любого